

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ «АФРИКАНСКИХ УРОКОВ»

А.Б. ДАВИДСОН

Академик

ЧТО ОБСУЖДАЮТ И О ЧЕМ СПОРЯТ ИСТОРИКИ МНОГИХ СТРАН

Ключевые слова: распад колониализма, формирование государственности, история азиатских и африканских народов, национальная идентичность, афроцентризм

Битвы ученых, публицистов, представителей властных структур, а в ряде случаев целых народов вокруг исторического прошлого сейчас идут так бурно и так ужесточились, как никогда прежде. Причин у этого немало. Одна из важнейших связана с распадом колониальных империй и с огромными переменами, происходящими в последние десятилетия, особенно в Азии и Африке, с превращением многих колоний в государства и укреплением самостоятельности тех стран, которые еще - по историческим меркам совсем недавно - были зависимыми. Разумеется, эти битвы связаны и с тем, что азиаты и африканцы ныне - подавляющее большинство человечества.

В одном лишь 1960 г. 17 колоний в Тропической Африке провозгласили себя государствами. В 1991 г. в результате распада Советского Союза возникли 15 новых государств. Большинство из них - в Азии и на соприкосновении с Азией. А всего государств в мире сейчас раза в три больше, чем 70 лет назад, после Второй мировой войны. И теперь новые государства Азии и Африки все больше влияют на судьбы мира, всего человечества.

Важной вехой в укреплении самостоятельности новых государств стало произошедшее четверть века назад окончание холодной войны. Ушло воздействие на них борьбы Западного и Восточного блоков. Уменьшилась и материальная поддержка, которую многие из них получали от того или другого из этих блоков. Что привело к большей самостоятельности новых стран в

их внешней, да и внутренней политике.

Перед каждой из них стоит задача создания своей государственности или у тех, где ее основы были прежде - ее укрепления. Каждая страна борется за единение всех народов своего государства, в т.ч. идеологическое. Внедряет в их сознание идею значимости своего государства, гордости за принадлежность к нему. Идут настойчивые поиски национальной идентичности, национальной идеи.

Как это сделать без апелляции к историческому прошлому? Оно тут - главная опора, основа основ. Отсюда и поиски в прошлом всего, что может объединять, сплотить. Поиски всего, из чего можно строить памятники прошлому.

В Азии и Африке считают, что преподавание и изучение всемирной истории веками было построено на евроцентризме. При изучении Древнего

мира делался упор на Грецию и Рим, в медиевистике - на Францию и другие страны Западной Европы. Вообще вся периодизация: «Древний мир», «Средневековье». «Новая история» основана на европейском историческом опыте. А понятие «великие географические открытия»? Азиаты и африканцы говорят: «Чего это вы нас открывали? Мы тут давно жили»... А выражения «Ближний Восток», «Дальний Восток»? Отсчет от Европы. Может ли это не вызывать протеста в странах Востока?

В африканских и азиатских государствах европеец может услышать такой упрёк: «О нашей истории вы знаете в основном из книг, которые писали такие же белые люди, как вы. Даже если считать, что они - хорошие учёные, мы всё же хотим, чтобы вы и весь мир знали о нас от нас самих». От этого упрёка нельзя отмахиваться, не замечать его: ведь каждый народ особенно трепетно относится к тому, что считает искажениями истории, исходящими от иноземцев, иноверцев. А тут ещё болезненней: Африка и Азия протестуют против трактовок, исходящих от стран, которые когда-то поставили их в колониальную зависимость.

Из всех бурных идейных споров этот - особенно опасен. Ведь одно из важнейших противоречий современного мира

- последствия имперского прошлого, когда одни страны были метрополиями, а другие - подавляющее большинство - зависимыми или, даже официально, колониями. Последствия этого прошлого остро ощущаются сейчас и ещё долго будут давать о себе знать. То, что связано с жизнью многих поколений, не может быстро исчезнуть. У народов, которые были колониальными или зависимыми, накопилось множество обид и претензий к государствам, которые ими управляли. И даже больше - ко всей Европе. Считают, что вся она, так или иначе, причастна к становлению колониального господства.

Подобные обиды и претензии эксплуатируются теми политиками нынешних развивающихся стран, которые хотят списать свои промахи и ошибки, а то и преступные действия на последствия колониализма и «злокозненность неоколониализма». При этом, намеренно или ненамеренно, часто забывается то позитивное, что принесли европейцы покорённым ими народам.

Понимание исторического прошлого народов, некогда находившихся в колониальной зависимости, уважительное отношение к нему чрезвычайно важны; от этого во многом зависят межрасовые отношения.

Один из лучших русских историков, В.О.Ключевский, записал в дневнике в 1904 г.: «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?»¹.

Ещё недавно в ходу был термин «вестернизация». Не будем судить, насколько он правомерен. Если да, то для нашего времени можно ввести термин «афроазиатизация». Но дело не в терминах и даже

не в давних предвидениях - в них ведь можно вкладывать разный смысл. Неоспорим же такой факт: роль Азии и Африки в современном мире растёт с каждым годом - и в общем народонаселении мира, и в экономике, политике, культуре.

Изменились и миграционные потоки: когда-то европейцы переселялись за пределы Европы, теперь миллионы людей из Африки и Азии хлынули в Европу и США. Наибольшие претензии по поводу недооценки своей истории предъявляют к этой части Света и европейским учёным народы тропической и южной частей Африканского континента. Той огромной Чёрной Африки, численность населения которой превосходит население Европы - в одной лишь Нигерии жителей намного больше, чем в России.

АФРИКАНЦЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ О ПРОШЛОМ «ЧЕРНОГО КОНТИНЕНТА»

«Громадная и неуклюжая по своему виду, с негостеприимными берегами, выжженными большею частью лучами тропического солнца, Африка... угрюма и загадочна, как сфинкс в египетской пустыне. И какова земля, таков и народ. Едва известный подвижным расам Азии и Европы в течение тысячелетий, своим цветом кожи уже как бы отверженный от ряда благородных народов, прожил он, замкнувшись, неисчислимые годы, не выходя из естественных границ своей территории для дружеского сношения или неприятельского нападения... Если мы можем сравнить историю рас Европы с деятельностью в ясный солнечный день, то история Африки только тяжёлый ночной сон; спящего он успокаивает или тревожит, так что он с беспокой-

ством поворачивается на своём ложе; но другие его не знают, а проснувшийся скоро забывает о нём».

А об отношении к изучению истории Африки говорили так: «Подвинемся ли мы далеко в знаниях, если нам станет известным, что такое-то негритянское племя со странным названием в таком-то году переселилось на место жительства в соседнюю область, что оно в каком-то другом году было рассеяно и уничтожено?».

Это напечатано в коллективном труде крупнейших немецких учёных «История человечества. Всемирная история». Он считался важным достижением науки, был одобрен и русскими учёными, а в 1909 г. полностью издан на русском языке².

Могут сказать: ведь это было ещё сто лет назад. Да, но вернее сказать - всего лишь сто лет назад. Конечно, теперь такие взгляды, державшиеся веками, разоблачать легко. В США вышла книга «Африка, которой никогда не было», во втором издании - «Миф об Африке». Труды об Африке, которые публиковались в Европе в течение нескольких веков, там называли «западной фантазией, основанной на этноцентризме»³. А в книге, изданной в Ибадане (Нигерия), сказано, что «...колонийальный роман об Африке был не чем иным, как отражением европейских предрассудков», и приведены слова французского писателя Андре Жида: «Чем менее интеллигентен белый человек, тем более глупым ему видится чёрный»⁴.

Привычные колониалистские взгляды не ушли бесследно, они живы по сей день. Это убедительно показано в недавно увидевшей свет книге «Искусственная Африка. Колониальные образы во времена глобализации»⁵. Как же трудно

преодолевалось представление, что у африканских народов нет истории!

Африканцев обижает и оскорбляет не только то отношение к ним, которое проявлялось в Европе из века в век, но и недавнее, даже нынешнее. Ведь самые страшные кровопролития последнего двадцатилетия произошли именно в Африке. В междоусобной войне в Конго в середине 1990-х погибло от 4 до 5 млн человек. Но много ли внимания привлекало это событие в Европе и Америке? А страшный геноцид в Руанде? Тогда погиб почти миллион руандийцев. Много ли об этом говорили и писали в остальном мире?

Хочется думать, что в последние несколько лет положение все-таки изменилось. Роль Африки, не говоря уж об Азии, в мировой экономике и политике стала, наконец, признаваться. В 2014 г. конголезский врач Дени Муквеге стал лауреатом премии Андрея Сахарова «За свободу мысли». А пакистанская школьница Малала Юсуфзай - лауреатом Нобелевской премии мира.

Все это, несомненно, вызывает у азиатов и африканцев уважение к себе и к своему прошлому, которое они считают погрязшим.

Конечно, многим, вернее большинству молодых государств надо искать свои истоки, воссоздавать память о своем историческом прошлом. В период колониальной зависимости таких возможностей у них было мало. Вся их история подавалась через призму евроцентризма. Дети в школах учили историю Европы, а не своей страны. Сейчас ведется большая работа, чтобы противопоставить этой тенденции изучение собственного прошлого. Собирают давние свидетельства, устную историческую традицию, которой в ко-

лониальные времена не уделялось должного внимания.

Но эта справедливая и благородная задача под воздействием властей или возникших ультранационалистов подчас перерастает в провозглашение исключительности своей страны, даже ее превосходства, первородства. И это нередко называют «патриотизмом»... А патриотом могут называть не того, кто болеет за свой народ, а того, кто бьет себя в грудь и непрестанно гордится и гордится, слепо следуя тем путем, каким ведет его власть. Так усиливается национализм и политизация истории.

Философ Владимир Соловьев, глубоко изучавший проблемы национализма, сформулировал закон развития общества, известный как «лестница Соловьева»: «Национальное самосознание - национальное самодовольство - национальное самообожание - национальное самоуничтожение». Он писал: «Национальное самосознание есть великое дело; но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов»⁶.

Это процесс, через который Европа, казалось бы, прошла давно. Процесс, вылившийся во многие войны, в т.ч. две мировые. Одной из причин создания Европейского Союза было как раз стремление предотвратить появление подобных тенденций в будущем. Удастся ли?..

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Для новых молодых государств этот процесс осложнен представлениями о принадлежности своей страны или

своего народа к крупным расовым, религиозным или региональным межнациональным и наднациональным общностям. Это особенно сказалось в период антиколониальных революций, когда антиколониальное движение каждой страны искало поддержки в тех государствах, где были сходные проблемы. Тогда возникли идеологии арабцентризма и других востоцентризмов, исламоцентризма, афроцентризма... Все они противопоставлялись европейскому колониализму и евроцентризму. Получилось, что поиски национальной идентичности тесно переплелись с идентичностью расовой, религиозной, региональной - и нередко противоречили ей.

Как в дальнейшем будут соотноситься друг с другом идеи национальной и государственной идентичности с более широкой - расовой, религиозной, региональной - предвидеть трудно. Это зависит от различных глобальных перемен. Но с уверенностью можно сказать, что, например, романтическая вера в панафриканизм, в панафриканское единство, сейчас уже не так широко распространена, как в 1950-е и 1960-е гг. Что, в разной степени, относится и к другим «центризмам».

Распад колониальных империй и связанные с этим глобальные перемены не могли не отразиться на отношении к своей истории и у стран-метрополий, да и вообще у Западной Европы, где почти все государства были в те или иные периоды связаны с колониальной политикой. Судить о переменах нелегко: осмысление прошлого продолжается и будет продолжаться. После распада империй и многонациональных государств историкам надо пытаться выяснить, какую роль в имперский период сыграла каждая из стран,

Да ведь и во времена господства колониализма суждения различных британских, французских и других западноевропейских историков о роли колониализма в истории их стран были далеко не однозначны. К завоеваниям относились и как к благодетелью для покоренных народов. Вот кипплинговские строчки:

Крутой поворот в представлениях европейцев произошел

Но как в видении истории самой Британии отразить отношение к бывшим колониям

О межрасовых и межнациональных осложнениях и конфликтах в самой Европе слышишь постоянно. Казалось бы, для страны, куда направляются большие потоки иммигрантов, наилучший выход - мультикультурность: пусть каждая община развивается своим путем, живет в соответствии со своими нормами и понятиями. Но, столкнувшись с проблемами на этом пути, лидеры Германии и некоторых других европейских государств уже заявили о том, что мультикультурность в их странах просто невозможна. И возникает вопрос: как быть?

У ИСТОРИКОВ - ВСЁ БОЛЬШЕ ТРУДНОСТЕЙ И ПРОБЛЕМ

Работая с зарубежными историками - на научных конференциях, во время встреч в Ассоциации британских исследований, в нашем Центре африканских исследований - сколько же мы слышим о трудностях работы историков во многих странах, в т.ч. в молодых государствах!.. Причем препоны для объективной работы историков становятся все более сложными.

Говорили, что в условиях режимов африканских государств не допускается критиковать не только самого деспота и окружающую его верхнюю государственную структуру, но и их опору - охранительные структуры и армию. Что, к примеру, к КНДР, где это громогласно объявлено государственной политикой, присматриваются властители других режимов. И стремятся возвысить в глазах народа авторитет своих охранителей, создать им высокий имидж, даже если в прошлом они мучили народ репрессиями.

На встречах с историками-африканцами нам, российским историкам, конечно, хотелось узнать их мнение о широко распространенных теперь идеях афроцентризма. Но как их расспрашивать? Деликатно ли? Не обидит ли их? Может быть, они считают афроцентризм абсолютно объективным подходом к прошлому и настоящему? Когда мы все-таки спросить решались, получали такой ответ.

- Что ж, идеи афроцентризма, конечно, есть, как и евроцентризма, американоцентризма, исламоцентризма, арабоцентризма и многих растущих сейчас разновидностей востоцетризма. Мы, - сказали наши собеседники, - все же считаем, что для афроцент-

ризма больше оснований, чем для многих других «центризмов». Слишком сильно недооценивалась роль африканских народов в мировой истории. Так что афроцентризм - естественная реакция на эту недооценку, на пренебрежение, которое оскорбляло африканцев.

А затем добавили:

- Ну а вы задумайтесь, нет ли у вас российского центризма, или русскоцентризма. Мы в перерыве между заседаниями конференции зашли в огромный книжный магазин «Библио-Глобус», в раздел истории, и увидели, что подавляющее большинство книг там - по истории России. По всемирной истории - куда меньше. А об Африке - что уж говорить... Может быть, мы ошибаемся, может быть, по этому магазину нельзя судить, он не типичен?

Мы позволили себе, тоже, конечно, с осторожностью, спросить у историков-африканистов:

- А вообще-то не идет ли сейчас все-таки уж слишком большая идеализация давнего, доколониального прошлого, Африки? Вина за все плохое в прошлом - не слишком ли она перекладывается на внешние силы - на колониализм? Или на то, что теперь именуют неоколониализмом? Не чересчур ли настойчиво это делается в средствах массовой информации, в политических заявлениях, да и в работах историков?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы нравились нашим африканским коллегам. Но все-таки от обсуждения они не уходили. Зачастую объясняли, что такой подход, как и идеи афроцентризма, вызван долгим господством колониализма и пренебрежением европейцев к подлинному африканскому прошлому.

Вместе с тем, нам напомни-

ли, что такой подход, желание свалить все вины на внешние силы все-таки не совсем уж всеобщий. И привели пример: вспомнили поведение Леопольда Сенгора, самого знаменитого поэта Африки и долгие годы президента Республики Сенегал. Сенгор в начале 1930-х гг. создал теорию «негритюд». Ее основная идея (конечно, если сильно упростить): «белый человек», подчинив себя логике, расчету, технике, ослабил в себе главное - духовность. А у «черного человека» она есть. Но, напомнили они, этот же Сенгор в дальнейшем, после провозглашения независимости большинством стран Африки и после того, как стал президентом страны, заявил, что не надо все беды континента валить на колониализм.

Наши африканские коллеги сказали, что раз уж пошел разговор о таких деликатных вопросах, то, может быть, и нам стоит задуматься: может быть идеи славянофилов и русских националистов в чем-то близки негритюду?..

Да, у историков новых государств Азии и Африки нередко видишь то, что возмущало Салтыкова-Щедрина в родной России. «Мнения, что Запад разлагается, - писал он, - что та или другая раса обветшала и сделалась неспособною для пользования свободой, что западная наука поражена бесплодием, что общественные и политические формы Запада представляют бесконечную цепь лжей, в которой одна ложь исчезает, чтоб дать место другой, - вот мнения, наиболее любезные Митрофану»⁸.

«МЫ» И «ОНИ». В ЧЕМ СХОДСТВО И В ЧЕМ РАЗЛИЧИЯ?

Нашим зарубежным коллегам хочется сопоставить свои подходы к прошлому с наши-

ми, понять, в чем сходство и в чем различия. Особенно непростые вопросы - от зарубежных историков-русистов, знатоков прошлого нашей страны и ее народов. Вот несколько типичных вопросов от англичан.

- В вашей стране настаивают, что Советский Союз не был империей. Допустим. Но не возникли ли после распада СССР те же проблемы в подходе к прошлому, которые испытывали мы после распада Британской империи? Изучают ли в Москве те подходы к истории Российской империи и СССР, которые рождаются в государствах, возникших после распада Советского Союза? Как они учитываются в сегодняшней российской исторической науке? Как вы относитесь к ним, если их оценки противоречат традиционному принятому в России? Идут ли совместные обсуждения на научном уровне? Ведь вы с этими новыми странами - соседи, у вас много общего в прошлом. Вашей стране необходимо находить с ними общий язык - что и как вы для этого делаете?

Вообще их очень интересуют подходы к прошлому в государствах, возникших после распада СССР. Участвуют ли в пересмотре исторических подходов в этих странах российские ученые? И, поскольку большинство новых государств Африки возникли тремя десятилетиями раньше, чем государства постсоветского пространства, - использовали ли постсоветские политики и историки опыт отношения к прошлому, уже накопленный африканцами? В Африке, особенно поначалу, новые государства в какой-то мере объединяла идея panaфриканизма, какого-то единства исторических процессов. А есть ли что-то, что объединяет новые постсоветские государства? На-

сколько национальные истории противоречат той привычной истории, которая была общепринятой до 1991 г.?

Зарубежные русисты напоминали, что в 1920-х и, частично, в 1930-х гг., в СССР часто цитировали слова Ленина, что Россия - «тюрьма народов». Много писали и даже ставили фильмы о восстаниях против русского колониализма. Что в изданном в Москве в 1939/1940 гг. двухтомном университетском учебнике по истории СССР тоже говорилось о русском колониализме. Но позже даже упоминание этого понятия полностью исчезло.

...Конечно, среди наших соотечественников найдутся те, кто сочтет несвоевременным вспоминать вопросы, которые ставятся нашими зарубежными коллегами. Но ведь многие из этих вопросов все же дискутируются у нас и в Интернете, и на страницах академических изданий. Зачем же избегать их? Ведь, как правило, то, что замалчивается, потом обязательно привлечет к себе большее внимание.

Разумеется, каждому народу легче всего считать, что самые сложные споры об истории, идущие за рубежом, это «их проблемы», а к нам они не имеют отношения, мы - особенные, другие. Но, может быть, каждому народу, каждому государству стоит все-таки внимательнее, глубже задуматься над спорами, ведущимися в других странах? При всей «особости» каждого народа, некоторые из поднимаемых в ходе этих споров вопросов имеют отношение и к нему.

В нашем сегодняшнем мире бросаются в глаза не примирения, а споры и битвы. Они очевидны, они привлекают внимание, они тесно связаны со злободневной политической борьбой, они - ее отражение. Да и «спрос» на них больше.

Сенсация всегда привлекает внимание - а что в ней правда, в этом разбираются потом.

У англичан есть присказка: «No bad news, no news» - нет плохих новостей, значит, нет новостей вообще. В этом высказывании мудрый смысл: если люди живут мирно, без ссоры, то нет и сенсации, журналистам писать не о чем. Но если ссора, драка, скандал - параша тут как тут. Вот и получается, что мы узнаем о миролюбии неизмеримо меньше, чем о драчливости.

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ ЮАР?

Но разве миролюбия в истории так уж и нет? Есть. Даже в Африке, на континенте, где больше всего конфликтов, войн, вооруженных противостояний.

Яркий пример - Южно-Африканская Республика. Политологи во всем мире предрекали, что «черные» устроят в ЮАР массовую резню «белых» в отместку за их трехсотлетнее господство. Но этого не произошло. Нашлись общественные силы, которые смогли удержать свои народы от кровавой межрасовой бойни. В начале 1990-х сторонам удалось договориться. Уходящий президент де Клерк и сменявший его Нельсон Мандела заслуженно стали лауреатами Нобелевской премии мира. Они настойчиво призывали народы своей страны забыть взаимные обиды и строить будущее вместе. Конечно, стереть исторические обиды из памяти крайне трудно, но все-таки в жизни ЮАР они играют сейчас куда меньшую роль, чем сто и даже тридцать лет назад.

А вот книга мадагаскарского историка. В ней сказано о том, как достигалось примирение не только на Мадагаскаре, но и в ряде других стран Африки. Российские ученые сочли

книгу столь важной, что перевели ее и издали в Москве⁹.

Примеров миротворчества, взаимопонимания, стремления к мирному сосуществованию в сегодняшнем мире немало. Разумеется, нередко можно сказать: не все там идет так уж хорошо. Но ведь, значит, обиды, пусть и не полностью, но смягчены. А это очень важно.

Теперь о главном. О будущем. Во всей истории человечества многие конфликты приводили к войнам и решались войнами (во всяком случае, так считали победившие стороны). А сейчас? Конечно, стремление к войнам неизлечимо.

«Первой задачей тирана будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе. [...] А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях или отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю». Так писал Платон две с половиной тысячи лет назад¹⁰. Не так ли оно и сейчас?

«Придет же время», надеялся Лев Толстой, «когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, истощенные, измученные народы скажут своим правителям: да уберите вы к дьяволу или к Богу, к тому, от кого вы пришли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое». И продолжил: «Нам совершенно все равно, какой мы будем считаться - большой или малой или никакой державой, нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов»¹¹.

Такое время так и не наступило. Но возможна ли теперь большая война, пусть даже и не такая ужасная, как Первая и Вторая мировые войны? В условиях, когда уже несколько государств, даже Северная Корея, обладают ядерным оружием, это может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до гибели человечества...

ВЗАИМНАЯ ТЕРПИМОСТЬ - ПУТЬ К МИРУ

Значит, единственный путь к миру между народами - это взаимная терпимость или как стало более привычно называть подобное взаимопонимание - толерантность. Но она возможна лишь, если государство, его народ, его власти стараются понять других. Не настаивают на своих давних предрассудках, не толкуют непрестанно о своем первородстве, на превосходстве своей культуры и религии, на своих победах, а отдают должное и другим. Стараются учиться на опыте других, думают об инновациях в своем развитии, а не об имперских амбициях.

Но даже сейчас политические лидеры, говоря об обеспечении безопасности своих государств, зачастую связывают это с усилением вооружений, боеспособностью армий. И намного меньше - с тем, что спокойствие своего народа надо обеспечивать добрыми отношениями с соседями. А ведь только такой путь и может стать гарантией от региональных и, еще того страшней, общемировых конфликтов. Но как же труден этот путь!

Впервые в мировой истории стало так жизненно необходимо решать раздоры не войнами, а переговорами, компромиссами, взаимными уступками, взаимопониманием. Как и между людьми.

Политики особенно актив-

но обсуждали это в декабре 2013 г., в связи с кончиной Нельсона Манделы. В начале 1990-х гг., когда происходили события, связанные с его именем, мир не уделил им того внимания, какого они заслуживали. Их затмили другие события: конец холодной войны, крушение Берлинской стены, распад Советского Союза... Но через 20 лет их значение для всего мира стало очевидно. Мандела стал символом миролюбия и взаимопонимания. Кто только ни превозносил этого человека! Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал на его похоронах, что Мандела показал путь, по которому должен идти мир. И добавил: иногда добрая улыбка сильнее грубой силы.

На похороны собрались государственные деятели со всего мира. Высказывания Манделы появились в газетах и журналах разных стран, включая наших, российских. «Я против господства белых и против господства черных». «Воевать и разрушать - очень легко. Настоящие герои - те, кто устанавливает мир и начинает строить». «Сложности и невзгоды разрушают одних людей, но создают других». «Сложно изменить общество, но еще сложнее изменить себя». «Мы должны использовать время мудро, и помнить: правое дело можно начать в любую минуту». И его слова, что он против «...длинных речей, сотрясания воздуха и размахивания кулаками, осуждений и резких резолюций».

Можно по-разному трактовать какие-то его высказывания, можно соглашаться или не соглашаться с ними. Но они заставляют задуматься.

Обама назвал Манделу своим кумиром. А Путин, придя в посольство ЮАР в Москве, оставил такую запись: «Мужественный, мудрый человек

Нельсон Мандела всегда последовательно боролся за свои убеждения, но при этом оставался великим гуманистом и миротворцем. Именно такой подход востребован в мире сегодня: поиск компромиссов - это лучшая основа для согласия и сотрудничества».

Но от провозглашения миротворческого подхода до его осуществления в реальной политике - огромная дистанция. Уж слишком велико бремя извечного желания решать споры кулаком, штыком, танками, гаубицами, ракетами.

МИССИЯ ИСТОРИКОВ

Какова роль историков в подходе к этой поистине ключевой проблеме современности?

Вся накопленная веками историческая литература - от исследовательских трудов до школьных учебников - полна войнами, конфликтами, раздорами. Какие памятники возвышаются по всему миру? Войнам, победам, генералам.

О войнах и победах, безусловно, надо помнить. Но почему так мало, или вообще почти нет, памятников миротворчеству и миротворцам? Да, теперь все же есть памятники тем, кто исходил из принципа, говоря словами Киплинга: «Умей прощать, и не кажись, прощая, великодушней и мудрей других». Да, есть памятники Нельсону Манделе и Махатме Ганди. Да, глубоко уважается память Льва Толстого. Памятна его заповедь: «Не делайте различия между разными народами и любите чужих так же, как своих».

Вспоминаю слова Иосифа Бродского из письма, которое он послал Брежневу 4 июня 1974 г. «Единственная правота - доброта. От зла, от гнева, от ненависти - пусть именуемых праведными - никто не выигрывает».

Но как всего этого мало по сравнению с увековечиванием памяти о конфликтах и войнах!

Не настало ли время, когда историки должны уделять намного больше внимания тому, как в прошлом проявлялось стремление к миролюбию, взаимопониманию, умению найти общий язык? Тому, что, безусловно, было, но, увы, не привлекало должного интереса ученых. А внимание к истории миротворчества важно для всех народов и стран.

Объективные, непредвзятые, т.е. строго профессиональные, подходы историков - как трудно их реализовать и сформулировать в нынешних сложнейших политических ситуациях! Но если историки встанут на этот путь, они смогут повлиять на общественность, на массовые представления, на политические движения. А, может быть, и на политиков, даже тех, кто привержен не взаимопониманию, а агрессивности.

...Мое поколение (теперь уже старшее) было воспитано в духе: «Кто не с нами - тот против нас». Бескомпромиссность считалась неотъемлемой чертой советского человека. Идеологическая кампания «борьбы против низкопоклонства перед иностранщиной» приучала нас не верить иностранному, идущему из-за рубежа. Западные ученые - это «буржуазные лакеи». Наша задача - разоблачать их. В разгар этой кампании, на рубеже 1940-х - 1950-х требовали даже разоблачать, не цитируя, поскольку «цитировать - это пропагандировать». Пропаганда «неприятя чужого», недоверия к нему, увы, велась не только в нашей стране. И ведется во многих странах и сейчас.

В частности, в ряде государств Африки и Азии, где межгосударственные, межкон-

фессиональные и другие конфликты год от года обостряются. Чего стоит одно появление запрещенного в нашей стране чудовищно жестокого «Исламского государства», претендующего на создание всемирного халифата. Недоверие к другим народам, к единоверцам, исповедующим иной вариант великой мировой религии - ислам, достигло такого накала, что миру грозят события трагические и непредсказуемые.

Поэтому так важна тема взаимопонимания, доверия - она привлекает сейчас историков ряда стран. Взаимопонимания между людьми, между социальными группами, народами, государствами.

¹ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., Мысль, 1993. С. 394.

² История человечества. Всемирная история. Т. 3. СПб, Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1909. С. 377, 378.

³ Hammond L., Jablow A. The Myth of Africa. New York, 1977. P. 7.

⁴ Nwezeh E.C. Africa in French and German Fiction (1911-1933). Ibadan, 1978. P. VII, 3.

⁵ Mayer R. Artificial Africas. Colonial Images in the Times of Globalization. Hanover-London, 2002.

⁶ Соловьев В.С. О народности и народных делах в России // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. Философская публицистика. М., «Правда», 1989. С. 282.

⁷ Киплинг Р. Избранные стихи из всех книг / Сост. В.Бетаки. Пер. А.Сергеева. [Б.м.], 2011. С. 175.

⁸ Салтыков М.Е. (Щедрин Н.). Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., Тип. М.Стасюлевича, 1906. С. 282-283.

⁹ Имбики Аналет. Национальное примирение: сложный случай Мадагаскара. М., ИАФР РАН, 2013.

¹⁰ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. / Пер. А.Н.Егунова. М., Мысль, 1994. Т. 3. С. 356.

¹¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 16. М., Худ. лит., 1964. С. 617.